

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ВМЕСТО ЦИКЛОВ

В.П. Федоров,

*доктор экономических наук, профессор,
зам. директора Института Европы Российской академии наук*

Мировой кризис 2008–2009 гг. усилил внимание экспертов не только к экстренным мерам правительств, но и к длительным перспективам экономического роста. Пересматриваются долгосрочные прогнозы, предлагаются новые сценарии. На повестке дня остается так и не решенный вопрос об экономических кризисах со всем комплексом присущих им аспектов, это – причины, продолжительность, глубина, средства воздействия, повторяемость. Наконец, способна ли современная экономическая наука предсказывать циклические потрясения, а если да, то почему она этого не делает? Имеются в виду классические циклы перепроизводства товаров, занимавшие одно из центральных мест в марксистско-ленинской политической экономии.

Представляется, что экономическая материя слишком сложна и не поддается точной определенности в процессе взаимопревращений своих составных элементов, чтобы дать однозначный ответ. Специалисты, имея на руках статистические данные, кардинально расходятся во мнениях не только по поводу будущего развития, но и относительно текущего состояния экономики и прошлых периодов. Попытки планового хозяйства устранили все эти неясности и установить господство «чистого разума» не увенчались успехом. Новая экономика, под которой принято понимать информационные технологии, не внесла желаемой стабильности в движение производительных сил. Общество обречено следовать за всем происходящим с опасением и надеждой, что все утрясется. Как писал один западный журнал, имея в виду мировую экономическую обстановку 2008–2009 гг., правительства, вероятно, не повторят ошибок 30-х годов, но они могут сделать новые ошибки.

Доноры финансового кризиса

Рыночное хозяйство в западных странах имеет долгую историю. Длительное время оно развивалось в форме циклов, состоящих из четырех фаз – кризис перепроизводства товаров, депрессия, оживление, подъем. Кризисы являлись более или менее регулярно и означали потрясение всего уклада жизни. Западный истеблишмент постепенно выработал противоядие в виде антициклической политики, стержнем которой являлись антикризисные действия. Первопроходцами в этой сфере были Франклин Делано Рузвельт как практик и Джон Мейнард Кейнс как теоретик¹.

Последующая наработка экономических знаний и макроуправленческого опыта, продолжающаяся до сих пор, вооружила национальные правительства широким инструментарием воздействия на производительные силы. С его применением крупномасштабные спады ушли в прошлое.

В США, лидере западного мира, все эти изменения налицо. Циклы там «стали более сглаженными», как отмечается в солидном труде российских американистов [1. С. 160]. Более отчетливо это можно видеть, если построить соответствующие графики.

В послевоенное время экономический кризис с падением ВВП посетил ФРГ шесть раз. Наибольший минусовый показатель был

¹ Для характеристики тогдашних экономических представлений показательна позиция германского рейхсканцлера Хайнриха Брюнинга, который возглавлял правительство с марта 1930 г. по май 1932 г. Он считал, что государство не должно противодействовать бушевавшему тогда экономическому кризису, достигшему своего дна летом 1931 г., т. е. при Брюнинге, а оно должно ускорять развитие кризиса, действовать проциклически, чтобы таким образом поскорее выйти из него, что называется, купить время. Отсюда – его политика по сокращению расходов и стремление к сбалансированному бюджету.

в 1975 г. и составлял 0,9%. Итог 2009 г. будет намного хуже.

Как считается, одна из причин, почему рецессии стали мягче, заключается в более высоких расходах государства, которое в отличие от фирм не сокращает в этот период финансирования и рабочие места и тем самым помогает стабилизировать обстановку. В западной экономической литературе существуют разные толкования терминов *рецессия* и *депрессия*. Под рецессией понимается, например, падение реального ВВП в течение двух кварталов года, а под депрессией – падение ВВП более чем на 10% или падение длительностью более трех лет. Соответственно требуются разные меры для преодоления этих ситуаций. Слово *рецессия* было введено в широкий оборот после Великой депрессии 1929–1933 гг. в США, чтобы не вызывать у населения мрачных аналогий с тем периодом [2].

Некоторые авторы апеллируют к длительным циклам. «Согласно Н.Д. Кондратьеву, каждый длинный цикл порядка 60 лет включает две примерно равные по продолжительности волны повышения и понижения темпов роста производства... Эта схема вполне соответствует динамике развития экономики Франции после второй мировой войны», – читаем в монографии «Франция в поисках новых путей» [3. С. 107]. Идея длинных циклов, конечно, весьма увлекательна, но ее доказуемость сопряжена с немалыми трудностями.

При всех национальных особенностях общественного воспроизводства экономическое регулирование в странах носит схожие черты и характеризуется так называемым магическим многоугольником, который для краткости часто сводится к четырехугольнику: экономический рост, приемлемый уровень инфляции и безработицы, положительное внешнеэкономическое сальдо.

Обострение любого из углов влечет за собой ответные меры правительства, и таким образом ему удается держать в более или менее удовлетворительном состоянии народное хозяйство в целом. Магический многоугольник вместе с другими факторами (рост сектора услуг, компьютеризация и др.) деформировал циклическое движение, устранил его как основную форму развития. В

самом деле, о каком всеобщем и периодически повторяющемся перепроизводстве товаров может идти речь, если экономика насквозь просматривается on-line с помощью статистики ежемесячно, еженедельно и даже ежедневно? Происходит дигитализация жизни общества. Все количественные сведения о ней находятся в распоряжении властей и бизнеса², как и рычаги вмешательства в процессы. Если где-то и сохраняется еще некая цикличность развития, то это является свидетельством беспомощности тамошнего правительства, его непросвещенности в экономических вопросах. Иногда заявления о цикличности делаются без достаточных на то оснований и могут ввести в заблуждение. Сегодня любое университетское пособие подробно излагает способы борьбы с товарным перенакоплением, а слушатели бизнес-школ проходят соответствующие тесты³. В консультантах со стороны также нет недостатка, не говоря уже о маркетинговых исследованиях.

Свою лепту в ацикличность вносят финансовые рынки, которые представляют собой более сложную конструкцию по сравнению с товарными и в отличие от них не транспарентны и в минимальной степени самоуправляемы. Финансовая система – самое слабое кризисное место в экономике, и тут нет циклической закономерности. Речь идет не о перепроизводстве предметных товаров, а о перепроизводстве фиктивных услуг. Надстроечная сфера имеет обыкновение отрываться от производственной базы. Сегодня данный процесс происходит в большей мере вследствие выпуска всевозможных деривативов, этих дублирующих производных от ценных бумаг. В период эйфории деньги делаются из воздуха, сами деньги становятся деривативами денег, а не товаров. Никто не в состоянии отказаться от заманчивых кре-

² Предпринимательские круги на свой лад основательно изучают потребительские рынки. «Государство не знает, кто носит какую одежду, какой марки и где предпочитает покупать. Некоторые концерны знают это», – говорит министр юстиции ФРГ Бригитта Циприс [4].

³ Проблема изученности рынков в меньшей степени решена в российской экономике. Наталья Плугарь, генеральный директор УК «ВТБ Управление архивами»: «Мы умеем работать только на растущем рынке. У нас даже законодательство написано, как оказалось, под растущий рынок: оно нигде не учитывает, куда же девать убытки, везде написано, как распределять прибыль».

дитов, легких прибылей, от экспансии. Кто-то называет это здоровым авантюризмом, что вполне правильно. Поскольку национальные финансовые рынки смыкаются друг с другом, создается огромная мировая пирамида, которая в какой-то момент быстро переворачивается острием вниз, накрывая своими обломками народные хозяйства. В 2007 г. мировой объем ценных бумаг составлял 500 трлн долл. США, тогда как суммарная стоимость национальных ВВП была 50 трлн долл., т. е. всего 10% от фиктивного капитала, а мировой товарооборот исчислялся в 10 трлн (всего 2%). Иногда называется более значительная сумма деривативов – полторы тысячи триллионов долларов. В любом случае, с формальной точки зрения, речь идет о многократном перепроизводстве финансовых знаков или о таком же недопроизводстве реальных товаров. В большей степени, чем раньше, государство как таковое лишилось своей монополии на эмиссию денег, да еще низкого качества. Понятно, что назревал крах, и начальной искрой послужила американская ипотека.

Разразившийся в 2008 г. финансовый кризис перерос в экономический и политический. В ряде стран сменились правительства. Однако не факт, что этот экономический кризис следует отнести к циклическим. Надежно уменьшить существующий навес можно посредством массовых банкротств. Падение котировок – не в счет, потому что «медведи» быстро сменяются «быками», и наоборот. А вот разорения уничтожают финансовые обязательства, но проблема в том, что одновременно они уничтожают и рабочие места, увеличивают безработицу, и поэтому правительства противодействуют такому развитию событий и тем самым способствуют сохранению навеса.

Здесь нельзя не отметить такой естественный антициклический стабилизатор, как теневая экономика. Она растет в плохие времена и снижается в благополучные периоды. Вес в ее валовом продукте значителен. По расчетам признанного специалиста в этой области профессора университета в австрийском Линце Фридриха Шнайдера, доля подпольной экономики в ВВП составляла, например, в США около 8%, Италии – 22, Греции – 25% [6].

Плата за «отказ» от циклов

Возникает вопрос: что получила рыночная экономика взамен циклов, этой некогда бесспорной закономерности?

Циклы теряют свою силу, но проблемы остаются и требуют своего решения. При циклах был какой-то порядок, и ретроспективно с помощью цифр его можно отследить. Именно эта устойчивая черта прежнего капитализма позволила саморазоблачить себя, вызвала к жизни сильнодействующие меры с приставкой «анти» и в конце концов была ликвидирована, если не полностью, то в решающей мере.

Обращают на себя внимание также характерные для многих стран нынешние невысокие показатели подъема. В США, как фиксируют авторы уже цитированного труда, на протяжении последних 30 лет наблюдалась отчетливо выраженная тенденция к замедлению темпов роста ВВП: темпы увеличения реального ВВП последовательно сокращались с 3,3% в 1970-е гг. до 3,1% в 1980-е и 1990-е и до 2,6% в 2000–2005 гг. [1. С. 125–126].

Показатели общеэкономической динамики объединенной ФРГ также были небольшие – за «взлетом» до 3,2% в 2000 г. последовало падение в 2003 г. (-0,2%).

Прирост валового внутреннего продукта в Великобритании колебался в скромных пределах – от 2,9% в 1961–1970 гг. до 2,3% в 1991–2004 гг. [7].

Во Франции после «славного тридцатилетия» (1945–1975 гг.) имело место снижение среднегодовых темпов роста экономики – от 0,6 до 2,5% [3. С. 106].

Причиной слабой динамики обычно называют высокий уровень развития стран в целом, а именно то, что 1% для сформированного рыночного хозяйства значит больше, чем тот же процент для неустоявшейся экономики. Отчасти так и есть.

Но такой отсылкой на развитость и неразвитость не может исчерпываться объяснение упавших темпов, принимающее в устах некоторых экспертов форму их оправдания. Ведь более мощное хозяйство обладает и более мощными возможностями. Почему эти возможности не реализуются – другой вопрос. Ведь в западных странах пребывают

незавершенными многие экономические и социальные проекты, требуют финансирования структурная (отраслевая и региональная) политика, наука и образование, модернизация военного потенциала. Увеличение темпов роста (пусть не до 10%, как в Китае, а до 5-6%) существенно помогло бы решить эти и другие задачи, и правительства прилагают усилия к тому, чтобы ускорить движение. Однако это не всегда приводит к успеху.

Между тем ослабление экономической энергии западных стран тесно связано с народнохозяйственным регулированием. Размывание экономических циклов посредством магического многоугольника имеет своим следствием угнетение экономической скорости. Рынок то и дело натывается на регулирование. Можно сказать, что экономика, принимая лекарство от одной болезни и смягчая ее, начинает страдать от другого изъяна. Дело вот в чем. Здоровые силы рынка (без кавычек) в реальности сочетаются с негативными силами. Например, конкуренция, подстегивающая эффективность общественного воспроизводства и улучшающая показатель инпут-аутпут, соседствует со стремлением субъектов хозяйства к монополизации, игнорированием общественного равновесия и сохранением или усилением социальной дифференциации, наполнением товарного рынка безотносительно совокупной покупательной способности.

Правительства, стоя на страже государственных устоев, стремятся подразделить эти рыночные силы с разным знаком, поощряя одни и минимизируя другие. Это им удается, но не в полной мере, поскольку обнаруживается, что положительные процессы служат продолжением негативных процессов. Вводя те или иные ограничения для капитала, правительства частично убивают в нем предпринимательский порыв, который в прежние времена либерализма *laissez-faire* без этих ограничений сметал все на своем пути и в конце-концов порождал циклический катаклизм. Таким образом, относительно медленные темпы роста западных стран есть компенсационная плата за сокращение циклического размаха экономических показателей, за менее безопасное развитие общества.

Политика государственного вмешательства в экономику диктуется самой жизнью,

озабоченностью по поводу сохранения относительной стабильности в стране и отражает воззрения, за исключением непринципиальных положений, основных политических партий и их лидеров. Следовательно, за разными названиями и именами скрывается объективная необходимость регулирующего курса. Она, в свою очередь, требует теоретической трактовки.

Чему учит теория

С точки зрения экономической теории, речь идет о сложном взаимодействии двух законов – закона стоимости и закона повышающейся общественной производительности труда⁴. Последний может носить и другие названия – закон экономии времени или закон экономии труда. В рыночном хозяйстве действует закон стоимости, обеспечивая игру цен в соответствии со спросом и предложением, межотраслевой перелив капитала в зависимости от меняющейся прибыльности конкретных товаров, т. е. он выступает как регулятор производства. Однако в этом качестве он далеко не совершенен, так как легализует стихию с ее разрушительными последствиями. Отсюда возникает потребность в регулировании регулятора. Эту роль берет на себя другой закон, по своей силе превосходящий закон стоимости. Это закон производительности. Означая экономический прогресс, повышение эффективности производительности сил, он вступает в противоречие со многими явлениями в рыночном хозяйстве и ввиду своей пользы для общества пробивает себе дорогу посредством государственного вмешательства в экономику.

До поры до времени закон стоимости действует в рамках закона производительности, при этом народнохозяйственные показатели улучшаются или остаются удовлетворительными, правительство пожинает плоды такого консенсуса законов и осуществляет лишь тонкую настройку хозяйства (термин, принятый в западной литературе). Но закон стоимости не терпит гармонии, он снова и снова «портит борозду», может завести или (если правительство ослабляет

⁴ См. об этом также главы автора в коллективной монографии [8].

внимание) даже заводит социально-экономические процессы в тупик. Стремясь не допустить грозящих потрясений, власти проводят реформы, часто запоздалые и непопулярные. Предприниматель персонифицирует собой закон стоимости, завоевывая любым способом место под солнцем. Он идет на многие риски, выбирая разные юридические формы ведения дел. В их числе следует особо отметить такую поощряемую форму, как «ограниченная ответственность». «Не будь принципа «ограниченной ответственности», мы до сих пор жили бы на уровне 1850 г., потому что никто не брался бы рисковать» – считает главный редактор журнала «Форбс» Стив Форбс. Правительство, заботясь о системе в целом, берет на себя функции закона производительности, временно отрякаясь от закона стоимости. А временно потому, что, устранив созданные последним завалы и тупики, т. е. несоответствия в хозяйстве, государственный аппарат вновь призывает в союзники закон стоимости при одновременном сохранении надзора над ним со стороны закона производительности. Последний дает о себе знать, побуждая правительство к контрдействиям при возникновении той или иной критической ситуации в хозяйстве. Однако массивное вторжение государства в экономические дела не гарантирует ни безошибочности, ни максимального эффекта, тем более на протяжении длительного отрезка времени. Народное хозяйство содержит в себе столько противоречивых тенденций, явных и скрытых взаимосвязей, незавершенных процессов и других невыясненных вещей, что принятие решений часто связано с неизбежностью ошибок. В этой связи можно указать на наш дефолт в 1998 г., вину за который несет не рынок, а госуправление. Экономика – не математика, здесь никто ничего мелом на доске не докажет. Экономическую реальность в рыночной системе можно выразить следующим образом: рынок, поощряющий экономическую динамику, но создающий диспропорции в хозяйстве и обществе, – правительство, исправляющее диспропорции, но совершающее другие экономические ошибки, – рынок, исправляющий допущенные ошибки, и далее по кругу.

Транснациональные экономические отношения

Картина значительно усложнится, если пересечь национальные границы. Здесь закон стоимости получает большую свободу действий, поскольку над ним нет опеки в виде мирового правительства. Сеть международных соглашений и организаций в сравнении с национальным регулированием обладает гораздо более узким набором средств управления. Поэтому заграничные стихийные процессы пробивают или перехлестывают национальные барьеры, отягощая местные проблемы.

Расширяет свои масштабы такое явление, как срастание национальных хозяйств. Важнейшей составной частью любого народного хозяйства служит производство, которое обеспечивается соединением труда и средств производства. Оно возводит над собой надстройку, сферу обращения, которая, в свою очередь, состоит из таких слагаемых, как торговля и денежная сфера. Если за объект анализа взять интернациональные экономические отношения, то можно невооруженным глазом зафиксировать существование мирового хозяйства, налицо все перечисленные компоненты – пересекающее национальные границы производство, экспорт капитала, международный рынок труда, международная торговля, резервные валюты. В свое время мировое хозяйство было предметом пристального внимания советских исследователей, но постепенно к этой полит-экономической категории был утрачен научный интерес. Был введен в оборот термин глобализация (1984 г.), более широкий по охвату, но в основе своей отражающий первичность экономического фактора.

Дихотомия выступает важным признаком современных мирохозяйственных отношений. Если когда-то их сущностью был мировой рынок, торговля, то сегодня таковой служит мировое хозяйство, т. е. гораздо более сложная субстанция. Оно включает в себя части национальных хозяйств при одновременном сохранении этих хозяйств в национальных границах, и здесь трудно провести разделительную черту. «В каждом «пежо» содержится 20 процентов деталей немецкого производства» [9].

Происходит иррациональное сочетание геометрии с географией. Существование и

развитие Большого хозяйства имеет противоречивые последствия для воспроизводственных процессов. С одной стороны, оно дает своим участникам больше шансов обеспечить экономический прогресс благодаря многосторонней кооперации, с другой – способно усилить нерациональность стихии, неорганизованность, с чем не может смириться правительство и с чем оно борется, фиксируя переменные успехи и неудачи на этом пути.

Когда существует благоприятная мировая конъюнктура, то на поверхность выходит объединительная тенденция в международных экономических отношениях и легко достигается согласованность мер разных правительств и межправительственных организаций. В таких условиях может возникнуть не вполне соответствующее действительности представление о высокой эффективности регулирования и о том, что последняя установилась навсегда. Появляется соблазн отпустить вожжи, расширить царство свободы, т. е. дерегулирования. Однако при наступлении трудностей, когда экономика «садится на мель», система макроуправления деформируется и объединительный тренд сменяется контртенденцией – центробежностью национальных интересов.

Свежей иллюстрацией такого состояния дел явилась невозможность найти общее решение странами финансовой «семерки» в феврале 2008 г. На совещании в Токио руководители профильных органов не смогли выработать единую линию в борьбе с кризисными явлениями в мировой финансовой сфере и подписали документ такого содержания: пусть каждое государство по-своему выбирается из трудностей, что и было подтверждено на практике в ходе последующих потрясений. Начавшись в США («Главные виновники сидят в Нью-Йорке», экскандлер ФРГ Гельмут Шмидт [10]), финансовый кризис распространился на весь мир и через сложный механизм взаимосвязей ударил по общеэкономической динамике в разных странах, которые действовали в основном индивидуально сообразно обстановке. «Франция действует, в Германии размышляют» – слова принадлежат Николя Саркози.

На совещании «двадцатки» в Вашингтоне в ноябре 2008 г. была продекларирована

на нежелательность принятия каких-либо новых протекционистских мер в течение года. Учитывался печальный опыт закона Смута–Хоули (The Smoot-Hawley Tariff Act) в США в 1930 г. с его почти тотальным обложением ввоза таможенными пошлинами. Однако уже в следующем месяце администрация США пошла на предоставление беспрецедентной помощи своему автопрому, а Россия подняла пошлины на ввоз иномарок, Индия – на ввоз стали. «Прощай, свободная торговля» – комментировал «The Economist» ситуацию на мировых рынках, хотя она никогда не была полностью свободной, как и любая национальная экономика. Достаточно сослаться на Индекс экономической свободы, рассчитываемый по 10 критериям и публикуемый в «The Wall Street Journal».

В конце концов, как это всегда бывает, выручает реальное Производство. Чем оно более развито, тем легче пережить финансовый крах. На фоне разнообразных мер самобытными можно назвать рекомендации премьер-министра Намибии Нахаса Ангулы вкладывать средства не в финансовый сектор, а в крупный рогатый скот, т. е. в первозданное реальное производство.

Распространению американского кризиса на экономики других западных стран способствовало проведение ими однотипной с США политики, в ходе которой финансовая надстройка значительно оторвалась от производственной базы. Болезни одни и те же. Приумножение фиктивного капитала (на сленге – пузыря) рано или поздно приводит к разрушительным последствиям, которые тем сильнее, чем больше этот навес. Полезно посмотреть в зеркало и российским властям, списывающим возникшие «вдруг» финансовые неприятности на внешний фактор. Между тем часть из них была создана собственными руками вследствие таких мер, как крупномасштабное наращивание долга российских компаний перед иностранными кредиторами (при избытке денежных запасов в собственной стране), размещение российских государственных средств в американских ценных бумагах и др.

Мировой финансовый кризис родился, понятно, не на пустом месте. Он подтверждает ту истину, что продолжение какого-либо свойства превращает его в противополож-

ность. Вначале избыточные средства, и в том числе спекулятивный капитал, служили желанным источником финансирования многих национальных и международных проектов, ими пользовались как предприниматели, так и государственные органы. Мировой рост в немалой степени был обязан подвижным денежным массам. Предупреждения насчет «саранчи» и «хищников» (хеджфондов) воспринимались умозрительно и не вели к практическим действиям по обузданию трансграничных финансовых конгломератов, ворочавших триллионами долларов. Но тучные годы не длятся вечно. Как и полагается в рыночном хозяйстве, они сменились периодом расплаты за процветание, которое основывалось на шаткой базе. Девиз «устойчивого развития» по-прежнему остается не поддающимся реализации призывом.

Сегодняшний кризис – отнюдь не исключительное событие в мире. Даже в старые времена, когда биржевое и банковское дело не отличалось нынешней трудно обозримой громоздкостью, фиктивный капитал приводил к существенным потрясениям. В Голландии, добронорядочной торговой державе, в 30-х годах XVII века с помощью такого кредитного продукта, как право на приобретение тюльпанов (самых тюльпанов, служивших символом статуса, уже не хватало), стоимость одной луковицы цветка возросла до 87 тыс. в пересчете на евро. Когда эта абсурдная цена оказалась не по карману даже состоятельным жителям, вся афера рухнула. Без упоминания о тогдашней тюльпановой лихорадке не обходится ни одно исследование по истории финансовых кризисов на Западе⁵.

Нечто подобное пережили биржи уже в наш просвещенный век, на этот раз предметом ажиотажа послужила «новая экономика». Акции фирм, имевших отношение к информационным технологиям, быстро росли в цене. Люди становились акционерами и «обогащались». Затем неизбежно последовало падение кривой. Например, если в марте 2000 г. одна ценная бумага «Дойче Телеком» стоила более 100 евро, то спустя восемь лет – только 10 евро.

Сегодня для возникновения финансовых тупиков существует значительно больше

предпосылок, чем в прошлом. Предотвратить финансовые кризисы невозможно, кроме как раз и навсегда запретить кредиты, закрыть биржи, лишиться денег их функции как средства платежа. И вернуться даже не к упомянутым тюльпанам, а в каменный век.

Европейский аспект

Европейская интеграция представляет собой в силу реальных достижений передний край глобализации с ее четкими характерными чертами. Остановимся подробнее на некоторых из них.

Во второй половине XX века в мировой экономической жизни обозначился далеко идущий по своим последствиям устойчивый феномен – вывоз капитала в форме капиталобмена. Увеличивался не только экспорт, но и импорт капитала. Абсолютно и относительно росли встречные потоки. Это оказало и оказывает существенное влияние на разные стороны общественного воспроизводства. В данном контексте следует отметить возросшую роль транснациональных корпораций, которые путем создания прямых производственных уний через капиталобмен подрывают национальное регулирование, частично обходят его или находят в нем слабые места. Регулирование производства, носящее обычно косвенный характер, представляет собой самую сложную задачу для властей, а расширение интернационального производства значительно увеличивает эти сложности. Возникает необходимость интернациональной координации как ответ на вызов капитала в международных масштабах.

Все эти процессы получают наиболее наглядное отражение в рамках европейской интеграции. Потребность в наднациональном регулировании ощущалась здесь все острее по мере снятия барьеров на границах стран-участниц Евросоюза и к настоящему времени осуществилась в виде системы наднациональных органов.

Как показывают статистические данные, капиталобмен в рамках интеграционного семейства характеризуется весьма высокими показателями. Транснациональный капитал способствует созданию транснационального хозяйства. Ему на помощь приходят другие слагаемые хозяйства, такие как

⁵ См., например, [11].

международная торговля, международный рынок труда в виде трудовой (отчасти нелегальной) миграции и единая денежная единица, евро.

В контексте мирового развития европейское хозяйство занимает авангардное положение с точки зрения степени взаимопроникновения национальных экономик. Но оно далеко не единое целое, а представляет собой сложное переплетение внутренних и международных составляющих, интересов и целей. Государственное регулирование в поисках рычагов воздействия на экономическую жизнь в желательном направлении неизбежно выходит на надгосударственный уровень, при этом отдавая наверх соответствующие компетенции. Под стать двухэтажному европейскому хозяйству возводится двухэтажное экономическое регулирование. Несмотря на известный к.п.д. такого обоюдного вмешательства в экономику, тут возникают свои проблемы. Обнаруживается, что трудно избежать диссонанса в действиях двух сторон. Выдвигая национальные интересы на первое место, национальные власти ограждают многие сферы от посягательства интеграционных органов (налоговое дело, трудовое законодательство, энергетика, миграционная политика и др.). Эти изъятия не остаются без последствий, ибо сохраняются противоречия между потребностью в едином регулировании и национальной разобщенностью. Вносят свою лепту и другие факторы, такие как несовпадение фаз и стадий экономического развития отдельных стран, несогласованность внутренних и брюссельских мер вмешательства. Отрицательную роль играет и разросшаяся бюрократия⁶.

Текущий мировой финансовый кризис высветил противоречивое положение, в котором оказалась Европейская комиссия. С одной стороны, она должна воздействовать

на страны-члены ЕС с целью выполнения согласованных параметров стабильности (бюджетный дефицит – до 3%, госдолг – до 60% ВВП и др.), с другой, антикризисные меры идут в нарушение этих параметров. В любом случае критика в направлении Комиссии обеспечена, не за одно, так за другое.

В проблему двойного регулирования вносит свой вклад образование экстерриториальных пространств, своеобразных экономических зон, выходящих за политические границы стран-членов ЕС и представляющих в некотором смысле ничейную землю в рамках интеграционного объединения. Эти возникающие подчас стихийно гравитационные центры, с одной стороны, способствуют улучшению общего экономического климата, а с другой – они «трудны в обращении» и ставят перед властями головоломку относительно средств воздействия на них, ибо целью правительств является получение не столько интегрального, сколько индивидуального, т. е. национального эффекта от них.

Как бы то ни было, единство противоположностей, в данном случае сочетание в одном лице национального и транснационального хозяйства, подвергаясь целенаправленному влиянию соответственно национальных и транснациональных рычагов, дает в своем развитии приемлемый для стран-участниц итог, отражающий специфику послевоенного времени.

* * *

В заключение вернемся к поставленному ранее вопросу: что получила рыночная экономика взамен циклов?

Если брать длительный отрезок времени, то в рыночной экономике Запада преобладает ситуация вялотекущей неопределенности, показатели разрознены и не образуют связанной системы, а сочетание некоторых из них противоречит прошлому опыту. Например, рост цен в ходе спада (стагфляция) или застойная безработица во время подъема.

Экономическая экспансия ведет к перегреву. Этот термин укрепился в литературе и заслуживает ранга самостоятельной экономической категории. Перегрев – это возникшая в ходе экономического роста дисп-

⁶ Предписания интеграционных органов часто цитируются в западной печати как образец канцелярщины. Приведем примеры. Огурцом считается плод длиной в 10 сантиметров при кривизне не более 10 миллиметров. Банан должен иметь минимальный размер 14 сантиметров (для некоторых разновидностей указываются исключения), а в связке их должно быть не менее 4 штук. Инструкция об орехе лещины дается на десяти страницах («лесные орехи в скорлупе не должны быть пустыми», о чесноке – на семи страницах. Под влиянием общественной критики в 2008 г. были отменены некоторые одиозные указания относительно овощей и фруктов.

ропорциональность в народном хозяйстве, для устранения которой требуется снижение экономической динамики. В свою очередь, снижение экономической динамики может перерасти в абсолютный воспроизводственный спад с появлением новых несоответствий между разными подразделениями хозяйства. Если при перегреве причиной накопившегося неравновесия между разными макропоказателями является рост, то при кризисе, который наступает при падении валового продукта ниже нуля, экономика страдает от отсутствия роста. Сердце экономики – производство – перестает биться. Статистика выпрямляет ломаную кривую, дает некоторую усредненную траекторию, умиротворяя задним числом экономические страсти. Средняя величина – это тот идеал, который экономика предпочла бы иметь в реальности постоянно вместо бесконечных устремлений вверх-вниз, вместо подъемных толчков и болезненных срывов.

Перегрев экономики – это разбалансированность хозяйства, возникающая вследствие стихии рыночных сил и государственного регулирования. Здесь нет нелогичности. Государство подправляет рынок, устраняет некоторые узкие места, но в конечном счете оно не в состоянии предотвратить накопление трудностей. Возникает тот самый перегрев, расстыковка, и если правительство своевременно не осознает необходимости изменения проводимого курса и пропустит подходящий момент, то наступает рецессия в виде снижения динамики или даже минусового показателя. Падение выпуска ниже нуля, означая, как и прежде, разрыв общественного воспроизводства, кругооборота капитала – прекращение платежей, убытки вместо прибылей, пособия по безработице вместо зарплаты – уже не является кульминацией цикла, началом нового циклического круга, а представляет собой несчастный случай из-за непредусмотрительности правительства. Имеет место уже не валютная, а общеэкономическая «змея в туннеле», когда кривая показывает амплитуду от максимума (перегрева) до минимума (абсолютного сокращения) с многократным повторением. Скорость преодоления кризиса зависит не столько от контркризисных мер, сколько от глубины докризисных ошибок и

накопленных ресурсов. Понятно, что цикл не запретное слово в экономических исследованиях, им с не меньшей частотой, чем раньше, пользуются западные эксперты, однако имеются в виду конъюнктурные или деловые и прочие циклы, содержательные и временные критерии которых выбирают авторы по своему усмотрению. Речь идет о лишенном строгости описательном названии, а не о научном термине⁷.

Потеря рыночным хозяйством в ходе своей эволюции циклической закономерности, пусть относительной, в виде четырехфазной метаморфозы имеет далеко идущие последствия. Условия прогнозирования сместились в худшую сторону, уменьшилась вероятность попадания в «десятку». Если раньше, двигаясь вслед за взаимоувязанными экономическими показателями, можно было худо-бедно просвечивать направление предстоящего развития, со всеми неудачами на этом пути (вспомним о трудностях распознавания циклических кризисов, промежуточных кризисов, частичных кризисов), то сегодня нет и этого, сплошная terra incognita, хотя прогнозирование стало неотъемлемой составной частью любой экономической деятельности. Положение изменилось, но по-прежнему актуальны слова основателя нефтяной компании Royal Dutch Shell Генри Де-тердинга (1866–1939 г.): «Невозможно предсказать будущее, но в высшей степени опасно не пытаться сделать этого». Национальная экономика может сорваться в бездну в любой точке траектории, игнорируя теорию циклов. Для пояснения картины позволим себе следующую вольность, а именно уподобим национальную экономику отдельно взятому хомо сапиенс. Если раньше он более или менее знал, где могут подстеречь его неприятности при возвращении домой в темное время суток и соответственно выбирал путь, то сегодня он ни в чем не уверен и рискует встретиться с нежелательной неожиданностью в любой точке маршрута. От наступления внезапного кризиса экономикой не ограждают ни ее инновационность, ни существование гражданского общества и социального государства. Каждое явление

⁷ «Новая экономическая энциклопедия» Е. Румянцевой говорит о более 1500 типах циклическости (2006. С. 728).

существует как бы само по себе, нейтрально по отношению друг к другу.

Нынешние кризисы порождаются структурными несоответствиями в хозяйстве, а потому они являются структурными. Они дают о себе знать еще до перепроизводства товаров по отношению к потребительскому спросу населения, а иногда и провоцируют такое перепроизводство. Различия в динамике отдельных подразделений хозяйства являются общей закономерностью экономического развития. Возникновение новых производств и отраслей, частичное или даже полное свертывание других направлений деятельности – постоянный и естественный процесс. В основе этого процесса, который отражает усложняющийся состав экономики, увеличение многообразия видов трудовой деятельности, лежит углубление и совершенствование общественного разделения труда. Однако централизованное регулирование объективно не может обеспечить соразмерность движения составных частей воспроизводства. Часто это вообще от него не зависит, если взять, например, нефтяные шоки. Обвал «новой экономики» и финансовый кризис также выявляют ограниченность воздействия властей на текущее положение дел. Наряду с отраслевым измерением структурные кризисы могут иметь и региональный (пространственный) аспект. Наглядный пример – экономический кризис в ФРГ после присоединения ГДР, когда ог-

ромная финансовая поддержка восточных областей надорвала силы объединенной экономики.

Тоска по исчезнувшим или исчезающим классическим, марксовым циклам, наблюдаемая среди некоторых аналитиков, вполне понятна и объясняется потерей точки опоры в анализе экономических рядов. Однако жизнь идет вперед. Прогресс присущ не только техническим сферам, но и экономической науке. Ее достижения вместе с политической волей правительства существенно видоизменили экономическую действительность, не сделав, однако, ее более предсказуемой и управляемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Экономика США*: учебник / Под ред. доктора экономических наук, проф. В.Б. Суняна. М., 2008.
2. *The Economist*. 2009. January 3rd-9th.
3. *Франция в поисках новых путей* / Под ред. Ю.И. Рубинского. М., 2007.
4. *Die Zeit*. 2008. 18 September. S. 27.
5. *КоммерсантЪ*. Деньги. 2009. № 7.
6. *The Economist*. 2009. April 4-10th. P. 68.
7. *Великобритания. Эпоха реформ* / Под ред. Ал. А. Громько. М., 2007. С. 246.
8. *Кризис мирового капиталистического хозяйства – 80-е годы*. М., 1986.
9. *Der Spiegel*. 2009. № 8. S. 78.
10. *Die Zeit*. 2008. № 40.
11. *Braunberger G., Fehr B. Crash. Finanzkrisen gestern und heute*. Frankfurt am Main, 2008.

Материал поступил 14.06.2009 г.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
 □□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.

BSEU Belarus State Economic University. Library.
<http://www.bseu.by> elib@bseu.by